
Осенний лёгкий свет, как дым от папиросы,
Чуть голову вскружил — и след его простыл,
И тучей на меня надвинулись вопросы,
И ёрзает тоска: «Я жил или не жил?»

И если я не жил, откуда эта память,
Откуда эта даль, откуда эта высь?
Как яростно гудит во мне тугое пламя
И в тёмные углы бросается, как рысь.

А если всё же жил, беспамятство откуда,
Безверие за что, и долгий путь куда?
Опавшая листва засыпала запруду,
Накинула покров и замерла вода.

И, не найдя ответ, не соизмерив сроки,
По суше, по воде, как посуху, иду,
И глубока земля, и небеса высоки,
И яблоки горят, как солнышки, в саду.

И когда мы крушили кресты топором,
Низвергая закон и тиранство,
Он стоял и твердил: «Дело, братцы, в другом,
Русский крест — холода и пространство».

Мы варились в котлах, мы дышали огнём,
Мы вели негодяев на царство,
Он с тоскою смотрел и стоял на своём:
«Русский крест — холода и пространство».

Все вернулись на круг, и опять в суете
Переходит буянство в бунтарство.
Он горит на кресте, мы горим на кресте, —
Согреваем родное пространство.

Здесь говорят не «твóрог», а «творóг»,
Пьют чай из блюдца с сахаром вприглядку,
И, по слогам читая слово «Бог»,
Справляют жизнь по старому порядку.

Подённый труд с погодою в борьбе,
Жизнь вопреки злодеям и дорогам,
И если жалость, жалость не к себе,
А к сгинувшим по войнам и острогам.

Иду вперёд — ни огонька окрест,
Смотрю назад — тьма разливает реки.
Всю жизнь свою бежал из этих мест,
А оказался вросшим в них навеки.

Прольётся сквозь сердце живая вода,
Избавит от горечи сердце,
И я засмотрюсь на тебя, как тогда
Смотрел и не мог насмотреться.

И время земное на нет низведя,
Иные приму лихолетья,
И стану веками смотреть на тебя,
И тем оправдаю бессмертье.

Не то чтобы треба,
Не то чтобы сны,
Мне виделось небо
С другой стороны.

Жизнь зябко дрожала,
Сходила на нет,
Луна отражала
Несолнечный свет.

Из пропасти вечной,
Из судного дня
Ты болью сердечной
Тащила меня.

Чем ухабистей путь, тем красней на обочинах храмы,
И чем легче земля, тем небес неподъёмнее спуд,
Здесь во веки веков каждый мёртвый не ведаёт срама,
Здесь живые до смерти с виной пред собою живут.

Я из этих глубин, я из этих глухих бездорожий,
Я за миг до рожденья виной был крещён и клеймён,
Что молчанье моё по сравненью с безмолвием Божьим,
Что исканья мои по сравненью с потерей времён.

Никому из живых не узнать, мы куда и откуда,
А у мёртвых спросить — не отыщешь в миру толмача,
Солнце выдержит круг, не навеки дожди и остуда,
Жизнь рубахой на мне, — тяжела, но с родного плеча.

Углич

Здесь смутное время застыло, как лёд,
В пределы чужих не пускает,
И птицы взлетевшие замерли влёт,
И рыбой река не плескает.

Невольно участвую в царской игре,
Свидетель, заступник, заложник?
И свечи тяжёлые жгу на одре,
И к ранам леплю подорожник.

Не ведаю сам, что в смятеньи творю,
Улики посмертные крыжу,
И вдаль сквозь палящее солнце смотрю,
И в смерти бессмертие вижу.

Сколько в кровь мою впало живых ручейков!
Сколько врезалось в память событий!
Потянуть бы успеть из забытых веков
За дорожки, за жилки, за нити.

Покатить пред собою клубок шерстяной,
Чтоб трава перед ним припадала,
И монгольскую гарь часовой шестернёй
Запахать от Литвы до Урала.

И всё дальше туда, где Христос не воскрес,
И смотреть, как в летящем рапиде,
С византийских высот на языческий лес,
И себя за деревьями видеть.

До снега сорок дён,
Как сорок дён до смерти,
На рубеже времён
Безвременье на свете.

Так было всё до нас,
При нас и будет после,
Внутри огонь погас
И выпал пеплом возле.

И нет тебя родней,
И надо умудриться
Успеть за сорок дней,
Как заново родиться.

Чтобы жизнь повернуть, не хватило чуток —
Двух глотков самогона лихого,
И сквозь пасмурный лёд, затянувший поток,
Не прорезалось вещее слово.

Мы в своих разговорах заходим за край,
Скоморошью жуём матерщину,
И всё ищем, всё ищем потерянный рай,
И поём про мороз и лучину.

Дом в средней полосе, засыпанный сиренью,
С окошком на звезду с калиновым лучом,
И сад, где соловей поёт живой свирелью,
Чего ещё желать? Печалиться о чём?

Полжизни, — как глоток, но жажда не иссякла,
И верен каждый вздох, и меток каждый взгляд,
И сладостно тянуть остатки дней по каплям...
Но отчего тогда тревога и разлад?

И смотришь на звезду, как будто ты оттуда,
Поклоны бьёшь земле, как будто ты туда,
И ввысь летит сирень в движенье безрассудном,
И тянется лучом к сырой земле звезда.

Ни холодом злым, ни огнём,
А света легчайшим движеньем,
На землю вернётся моё
От древней звезды отраженье.

Но всё это будет потом,
А ныне живу и не маюсь,
Сижу на крыльце золотом
И в золоте глаз отражаюсь.

Мне снился сон: в глубокой старине
Есть отчий дом и на двери подкова,
Меня там ждут — живого, неживого,
И держат свет негаснувший в окне.

И я в тот дом по тяге родовой
Себя с кругов невольных возвращаю,
И если жив, то жизнь свою прощаю,
И оживаю, если неживой.

Спасённый небесною твердью,
Земною закрученный в жгут,
Живу между жизнью и смертью,
Так многие нынче живут.

И в храмах по дням поминальным
Ловлю себя, как в ворожбе,
В стараньи движеньем случайным
Поставить свечу по себе.